

ГЛАВА 2

ВЕЛИКОЕ ПРЕДАНИЕ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ РУСИ

По археологическим данным, неолитическая трипольская культура наших отдаленнейших предков в Приднепровье не знала ни языческого многобожия, ни идов. В селах трипольцев в центре селения находился открытый жертвенник Невидимому Богу и вокруг этого центрального места концентрически располагались жилые селения.

Когда эпоха неолита сменилась эпохой бронзы, трипольская культура получила в археологии название киммерийской, от которой сохранились остатки городов: Киммерик и Киммерикон, а также остатки крепости в низовьях Дона, названной Русской Троей, и других селений. Киммерийская культура также не знала идов. Ее распространение пошло главным образом на Причерноморье.

В это же самое время другая часть распространилась на север, в верховья Днепра и далее на Волхов, во главе родоначальника княжеской династии Вендана.

В Приднепровье остался князь Кышек Великий. Имена князей, вернее вождей племен, ушедших в Причерноморье, предание не сохранило. Вот этому Великому Преданию мы и посвящаем настоящую главу: где, когда и кем это предание было впоследствии записано, имеет большое значение, так как подтверждает, что оба первоначальные княжества — Киевское и Словения — созданы не только одной династией, но и одним племенем, говорившем на одном языке.

Это предание было записано приблизительно во времена князя Аскольда или, может быть, немного

раньше языческим волхвом Ягило Гапа* в Ладоге, а спустя около полутораста лет первым великим русским летописцем епископом Новгородским св. Иоакимом Корсунянином, современником и сподвижником равноапостольного князя Владимира.

Предание это было облечено в форму повествования о двух братьях, Славене и Скифе, как о двух родоначальниках, символизирующих два родственных племени: словен Волхова и тавро-«скифов» Причерноморья. О Киеве еще речи нет, потому что он появился более 500 лет позднее. Это, несомненно, одно и то же повествование, выраженное одними и теми же именами, причем в Великом Летописании (языческом) оно было подробно, а у св. Иоакима Новгородского только выдержки из этого Великого Летописания, как он сам об этом свидетельствует. (См. об этом у Татищева, с. 477, который пользовался современными ему в конце XVII столетия такими источниками, которые не дошли до нашего времени, по-видимому, сгорев во время Московского пожара 1812 года, когда погибла масса древнейших рукописей.)

Утверждение о том, что Иоакимовская летопись не является полностью произведением св. Иоакима, справедливо лишь в том смысле, что ее продолжатель только пользовался ею и что нужно отличать часть древнего подлинника от малоосведомленного ее продолжения.

Теперь рассмотрим то, что было записано в языческом летописании, в переводе на современный язык, сделанном исследователем этих древних записей В. И. Лазаревичем:

* В других источниках это имя трактуется как Ягайло Ган. — Прим. ред.

«Бастарн сына своего оставил старым отцам ильмерцам (то есть жившим в районе озера Ильмера между реками Бугом и Днестром), а сам пошел на полночь (север) и там свой город Славен построил. А братья скифы у моря остались. Бастарн имел сына своего Венда (Вендала), а по нем был внучек Кышек, который был правителем владений на полудие (Приднепровье) и много родственных племен там пребывало. Из-за того была борьба великая опять и жестокая, на обе стороны реки Дуная, до гор Русских и до хребтов Карпатских. Родам о том оповестили и, созвав вече, утвердили землю нашу. И так стояла (удерживалась) земля та пятьсот лет. И вот опять открылась между русичами усобица. И вот Кышек Великий и мудрый и тот умер, а по нем были другие и каждый заботился о Руси».

Так было записано предание отцов в IX веке в Ладоге, а события, о которых говорится в этих преданиях, относятся к истокам культуры Приднепровья и Волхова времени первых веков нашей эры, во всяком случае, до нашествия гуннов в 370 году.

Теперь обратимся к записям этого же предания первого епископа Новгородского Иоакима, нашего первого историка и крестителя новгородцев, писавшего это в 1030 году, то есть спустя полтораста лет, и мы можем поразиться почти полным совпадением описываемых событий и исторических лиц, принимавших в них участие. Это свидетельствует о том, что св. Иоакиму была известна аналогичная запись в языческой летописи, то есть что он имел в руках это Великое Летописание и брал оттуда описание событий далекого прошлого:

«Един от князь Славен с братом Скифом, имея многие войны на востоке, идоша к западу, многие

земли о Черном море и Дунае себе покориша и от старшего брата прозвася — славяне. Славенкнязь, оставив во Фракии и Иллири и на вскрай моря и по Дунаеви сына Бастарна, иде к полунощи (на север) и град великий созда в свое имя, — Славенск нарече, а Скиф остался у Понта и Меотиса в пустынях (степях) обитати и прозвася та страна Скифия Великая. По устройении великого града умре Славен князь, а по нем владаху сынове и внуки много сот лет, и бе князь Вандал, владея славяниами. Он имел три сына — Избора, Владимира и Столпосвята, каждому из них он построил по единому граду и в их имена нарече, и всю землю им раздели. (По смерти братьев) Владимир прият власть на всей земли.

Он имел жену от варяг Адвинду. По смерти Адвинды княжили сыновья его и внуки до Буревоя, иже девятый бе по Владимиру.

Буревой, имея тяжкую войну с варяги, множицею побеждаша их. (После него был) Гостомысл муж алико храбр, толико мудр, всем соседям страшный, а людям его любим. Приидоша по смерти Гостомысла Рурик с двумя браты и родня его».

Приведя эти цитаты из Иоакимовской летописи, историк времен Петра, много работавший над старинными рукописями, добавил: «Далее согласно с Нестором, токмо без лета».

В своем примечании он пишет: «Дочери Гостомысла... большая была за Изборским, от которого Ольга княгиня, другая мать Рюрикова. Нестор скажет, что Рюрик убил славенского князя Вадима (Храброго)... внука Гостомыслова, который больше право имел к наследству и для того (из-за того) убит».

Необходимо отметить, что приведенные Татищевым цитаты не есть непосредственно извлечен-

ные из летописи св. Иоакима, но из летописи, только использовавшей подлинную Иоакимовскую летопись.

Единственное несовпадение имен — это имя основателя города Славеня, то есть князя Славена или же его сына Бастарна. Вероятнее всего, что основателем великого града Славеня был князь Бастарн, так как об этом сказано в источнике более древнем, нежели у св. Иоакима, до которого дошло предание об основателе города Славена как князе Славене, — в действительности город был основан его сыном Бастарном.

То, что сохраняется в предании, иногда бывает немного путанным, тем более что имя основателя города часто производят от самого названия города.

Св. Иоаким Новгородский был первым русским христианским летописцем, начавшим писать свою летопись за 100 лет до преп. Нестора.

Иоакимовская летопись начиналась так же, как впоследствии, то есть через 100 лет, преп. Нестор дал такое же пространное заглавие своей «Повести временных лет», а именно: «Летопись Иоакима, епископа Новгородского, откуда пошла Русская Земля и кто в ней прежде нача княжити и откуда Русская Земля пошла есть, — именем сем начнем повесть сию вкратце из Великого Летописания».

Поскольку св. Иоаким свидетельствует сам о том, что он некоторые сведения взял из Великого Летописания (языческого), то, следовательно, он не только видел его, но и мог брать из него сведения о том, откуда пошла Русская Земля и кто нача в ней первее княжити, то есть о глубочайшей древности. Совпадение княжеских имен и событий в его летописании с Великим Летописа-

нием еще языческих времен подтверждают эти его слова.

Почему он назвал этот источник, из которого брал сведения, Великим Летописанием? Не только потому, что он был великим по объему, то есть начертанным на более чем 45 дощечках с обеих сторон, но главным образом потому, что он охватывал великий промежуток времени описываемых событий — с IV по IX век, то есть полтысячи лет. Период времени от нашествия гуннов и незадолго до этого нашествие готов исторически описаны, а не только вскользь упомянуты. Великое Летописание обрывается на времени воцарения Олега, о котором нет никакого упоминания.

Св. Иоаким был первосвятителем и крестителем северной Новгородской Руси, и все свое внимание в летописи уделил Северной Руси, оставив исследование Киевской Руси ее летописцу (первому Киевскому, своему современнику, Никону Великому), как лучше знакомому с преданиями Киевской Руси. Ученик Никона Великого преп. Нестор основывался уже на трудах своих предшественников.

В Великом Летописании очень много и подробно написано начиная со времени основания языческой Киевской Руси, то есть со времени, когда Южная Русь, называемая в этом Великом Летописании Русколанью, вынуждена была под натиском гуннов оставить свои земли на юго-востоке Русской равнины и переселиться к полянам Приднепровья перед опустошением гуннским нашествием. Это то, что у преп. Нестора нашло отзвук в короткой непонятной фразе: «Поляне, ныне зовомая Русь». Почему вдруг поляне ни с того, ни с сего начали называться Русью? Ответа нет.

Но есть предание, записанное в языческой летописи.

Это относится к событиям, произошедшим во время так называемого Великого переселения народов III—IV веков н. э., с начала нашествия готов, которое было роковым для распространения христианства в Русколани в ее центре в городах сарматов-русколан: Танаисе, Наварисе и других поселениях нижнего Дона, когда Танаис и Наварис были сожжены до основания и эти города были покинуты жителями, бежавшими под защиту Боспорского царства, хотя готы хлынули и туда.

Только волжские сарматы-русколане, или русичи, уцелели от готского нашествия, но через 120 лет их постигла такая же участь от нашествия гуннов в 370 году, когда жители приволжской части Русколани покинули эти места и отодвинулись с большими боями в верховья реки Танаис, то есть Донца, а не Дона. Здесь произошло решительное сражение у Русколанской крепости Воронженц с той огромной частью войска гуннов, которая была послана против них. Гунны этой части войска со своими союзниками — готами и ясами — были разбиты русами и уничтожены. Об этом поражении гуннского войска упоминается несколько раз в разных дощечках.

Это осталось очень памятным событием для русколан и укрепило их в мысли, что они хоть и отступили со своих насиженных мест, но что они могут оказать сильное сопротивление этим всепобеждающим варварам. Такое сознание и побудило их пойти на помочь приднепровцам, которых в это время громили гунны.

Основная же масса гуннов направилась в Приднепровье, разгромила его жителей полян, часть

захватила в свое войско, часть уничтожила, и только небольшая часть полян уцелела, скрывшись в лесах. После этого разгрома гунны отправились дальше в Западную Европу.

На опустошенное Приднепровье пришли победители гуннов — русичи и поселились вместе с ними, то есть с полянами, которым они дали свое непобедимое войско, своих князей и свое имя — Русь, русы, русичи, русколане, то есть те самые роксолане, в произношении римлян и греков. Греческая фонетика не всегда в состоянии произнести правильно некоторые славянские слова. У греков получается, как, например, записано у Константина Багрянородного, название Смоленска как Миляниск, Чернигов как Чернигога, Киев как Киоаба, Новгород как Немогард, поэтому не приходится удивляться, что русколане у них назывались роксолане. По этой же причине русский город Русия, бывшая столица Боспор, у греков и писалась и произносилась как Россия, даже через два «с», вплоть до XI века.

Эти чрезвычайно важные для нашей преистории сведения языческой летописи не были приведены у св. Иоакима. Привести даже вкратце все, что было в этом Великом Летописании было абсолютно невозможно, поэтому великий Святитель, начиная первую по времени христианскую русскую летопись, взял только то, что непосредственно относилось к началу образования Русской Земли, то есть «кто первый нача княжити», начиная от Вендана, родоначальника династии князей Словении, как тогда называлось Новгородское княжество, доведя его до Рюрика.

Да и читать Великое Летописание было чрезвычайно трудно для него, потому что это был язык древних русов — Русколани, — имевший только при-

близительное сходство с тогдашним церковнославянским языком или даже с народным наречием Словенского Новгородского княжества. Впрочем, корсунянину Иоакиму он должен был быть более знакомым, так как ему был знаком «роуський» язык Корсунского Евангелия — по нему учился у руса русскому языку преп. Кирилл, — который если и не идентичен был языку Великого Летописания, то во всяком случае близок ему.

Тут необходимо отметить, что язык приазовских русичей «Русколани» не обязательно должен был быть таким же, как язык «роуськой» Ренсколани, как тогда назывались таврические русы — сурожцы — в Великом Летописании.

Название «Ренсколань» встречается в текстах дощечек чрезвычайно редко, так как, наверно, не имело распространенного употребления, и произвилось оно от территории более широкой, нежели была Сурожская Русь — эта территория позже называлась Тавроскифией, — которая вся была изрезана множеством небольших речушек, стекавших с Таврических гор непосредственно в Черное море. Слово «река» на дощечках писалось «ренка», а отсюда и Ренсколань. Это отчетливо видно на карте этой части Тавриды.

Какой была дальнейшая судьба этих двух великих ветвей, от которых произошел общерусский народ? История северной части Святителем св. Иоакимом доведена до Рюрика, и дальнейшая ее часть пропала, когда чья-то святотатственная рука вырвала три страницы из летописи св. Иоакима, как раз касавшиеся этого начального времени. Южной части св. Иоаким не касался, — но все дело в том, что языческая летопись зародилась на юге и только незадолго до Аскольда вместе с внуками князя

Бравлина «ушла на север», испугавшись крещения князя Бравлина Старшего со всеми его приближенными, произшедшего в Сурожи, что усугубилось через 87 лет крещением Аскольда и части киевлян, — поэтому в языческом летописании девять десятых его посвящены описанию событий на юге Русской равнины, где много места удалено Киеву с Приднепровьем, князю Кию и всем другим многочисленным князьям, до и после него бывшим в Киеве и Русколани. В Ладоге Ягило Гапа был пришельцем.

Преп. Нестор слишком поздно начал писать свою летопись. В основном он использовал для древнейших времен летопись Иоакима, а языческую летопись он не только не видел, но и предания из нее уже не сохранилось — о языческих временах в ту пору старались не вспоминать в летописаниях, ограничиваясь презрительным «погани сути».

Никакого сомнения нет в том, что преп. Нестор не видел Великого Летописания, так как он ничего из него не берет для своей летописи и его сведения ограничиваются только короткими фразами о Кие, Щеке и Хориве, причем он берет их в том произношении, в каком они звучали по именам двух населенных холмов на окраине тогдашнего Киева: Щековица и Хоревица.

В действительности же имена основателей этих двух поселений, современных княжению самого Кия, были похожими, но не такими. Имена этих князей были: Пашек и Горовато. Горовато происходит, по всей вероятности, от имени того князя Хорвата, который в 370—375 годах пришел со своим могучим войском, разбившим большой отряд гуннов и их союзников готов и ясов, и поселился со

своим племенем в Приднепровье, когда гунны во время своего нашествия оставили Приднепровье и удалились в Западную Европу. Вторым родоначальником был Пашек. Старшим был Кий, именем которого и назван был Киев. Это тот самый Кий, при котором произошло объединение Русколани с Борусенью. Он был выбирам на три срока, то есть на 30 лет, на княжение, так что 430 год основания крепости Киева, по польскому историку Стрыйковскому, жившему в конце XVII века, может соответствовать концу его княжения. Точных дат тогда не было.

Другое Великое Предание, которое дошло до преп. Нестора, это то, что поляне стали называться Русью. Почему именно поляне? Ведь преп. Нестор перечисляет девять славянских племен, а название «Русь» дает только полянам.

Он записывает весьма коротко древнее предание, потому что ему самому было неясно — почему? Он пишет: «Поляне, яже ныне зовомая Русь». Без всякого объяснения.

Ведь если бы это было потому, что пришли князья из Новгорода в лице Олега и других, то Нестор так и сказал бы. Но Русью в его время называлась только Киевская земля, а Новгородская называлась Словенией и только позже стала называться тоже Русью. Поэтому Нестор не дает никакого объяснения, потому что сам не знал, а предание держалось крепко, что поляне стали называться Русью. Ведь Нестор перечислял славянские племена: поляне, древляне, вятичи, дреговичи, волыни, дулебы — и вдруг ни с того, ни с сего — Русь.

Не докопались до объяснения этого и все наши историки и даже современная археология в лице

П. Н. Третьякова, который, подводя в 1970 году итоги всем теориям и археологическим данным, пишет: «Не знаем, по-видимому, это название пришло извне, а откуда — неизвестно».

Этим вопросом очень интересовался еще в конце XVII столетия киевский архимандрит Иннокентий, издавший в 1693 году свой столь знаменитый «Синопсис», где пишет по сохранившемуся преданию, где-нибудь и записанному, которым он воспользовался: «Русы Кия были пришельцы из Дикого поля», то есть степного Причерноморья. Это предание держалось крепко.

Проф. С. Я. Парамонов пишет: «Мы имеем точное указание «Синопсиса», что «князи рустии с их народом были пришельцы, вожняжившиеся над полянами и основавшие здесь город, вернее крепость, поселение же было и до них. «Синопсис» ясно указывает, что пришельцы были многочисленны и сильны» (С. Лесной. «История русов», т. 4, с. 348).

Сергей Лесной — это псевдоним проф. Сергея Яковлевича Парамонова, положившего начало выяснению истинного вопроса о преистории Руси. Он был профессором Австралийского университета в городе Канберра.

Целые поколения историков вели порой ожесточенную полемику относительно того, откуда же Русь: с севера или с юга. Норманисты и антинорманисты. Теперь вековая загадка слова «Русь» разрешена, но повторяем еще раз — слова «Русь», «русы» были в трех местах: 1) в Русколани как русы, русичи, русколане (в греческом произношении — роксолане); 2) на Карпатах как русины, русы (позже по-латыни — рутены); 3) на южном берегу Балтийского моря и на острове Ругене как русы или руги.

Все эти русы были потомками жителей неолитической трипольской культуры, самой западной части европейского неолита, расселившихся в эпоху бронзы по этим трем местам.

В связи с этим чрезвычайно интересно свидетельство Великого Летописания об этих двух местах, где обитали древнейшие первоначальные русы: южный берег Балтийского моря, откуда Рюрик и Аскольд, и Русколань, откуда князь Кий, основатель Киева.

Аскольд противопоставлял ту Русь, откуда происходил он, Русколани своих воевод, не пожелавших принять христианство. Он сказал им: «Вы никакие не русы, вы — варвары». Подразумевая под этим то, что «настоящие» русы уже приобщились к великой христианской культуре, войдя составной частью в Священную Римскую империю Карла Великого, а русы Русколани еще находятся в варварском состоянии и не дорошли до принятия христианства.

Эту мысль позже развил киевский митрополит Илларион в XI веке, в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати», — что народы по мере своего духовного развития включаются в царство Благодати христианской Церкви.

На это оскорбительное суждение Аскольда его воеводы ответили, что их отцы были киммерийцы, которые потрясали Рим и греков, а Аскольд хочет подчинить Русь Византии, приняв христианство.

Следовательно, еще во времена Аскольда греки ставили условия крещения Руси такие же, какие впоследствии они поставили св. Ольге и св. Владимиру, то есть подчинение не только царьградскому патриарху, но и византийскому императору.

Равноапостольная княгиня Ольга дважды ездила в Царьград, умоляя не ставить обязательным условием крещения Руси подчинение императору и, таким образом, потерю самостоятельности Руси. Оба раза она возвращалась с великой скорбью, не добившись согласия на ее просьбу. И возвратившись, «языческие требища истреби» и многие храмы построив не только в Киеве, но и в Пскове, и в Новгороде.

ГЛАВА 3

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВЛЕСОВОЙ (ВЕЛЕСОВОЙ) ЛЕТОПИСИ

В брошюре А. Л. Мангайта «Надпись на камне» (М., 1969) сообщается, что в частном музее А. И. Сулакадзе в С.-Петербурге в первом десятилетии XIX века была составлена им опись всяких древностей под таким длинным названием: «Книгорек, то есть каталог древних книг, как письменных, так и печатных, из числа коих по суеверию многие были прокляты на Соборах, а иные в копиях сожжены, хотя бы оные одной истории касались, большая часть их на пергаменте, иные на кожах, на буковых досках, берестяных листах, на холсте толстом, напитанном составом, и других».

В этом каталоге есть раздел «Книги непризнаемые, коих ни читать, ни держать в домах не позволено». В этом разделе помещена рукопись «Патриарси», вырезанная на буковых досках числом 45 и довольно мелко, Ягило Гапа смерда в Ладоге IX века, «о переселенцах варяжских и жрецах и письменах, в Моравию увезено» (с. 78).